Раневская Фаина Георгиевна 1.11.94.

Как Раневская с оружием в руках защитила Розу Скороход

«В жизни» Фаину Георгиевну Раневскую я увидел впервые осенью сорок шестого года. Это было в гостях. Разговор переходил с одного на другое, говорили об эвакуации, которая еще у всех была в памяти.

— Я была в Алма-Ата (тогда название города не склонялось. — **В.К.**), и Ромм сдавал там председателю Госкино Большакову «Мечту», — рассказывала Фаина Георгиевна. — Война, гибнут люди, полстраны под немцем, казалось бы — уймись. Нет, у него были какие-то претензии к Розе Скороход (героиня Раневской в этом фильме. — **В.К.**). Но он решил со мной не связываться: я распустила слух, что ношу с собою браунинг, так как боюсь темноты, и лучше вечером со мною не встречаться, неровен час могу выстрелить... Ромм сказал, что это спасло Розу. Выходит, что я защитила ее с оружием в руках.

Заговорили о Гельцер — знаменитой балерине, танцевавшей в Большом театре в 1898—1935 годах, — и хозяйка сказала:

— Я с нею виделась в последний раз, по-моему, при царе Горохе, мы когда-то очень дружили. И вдруг на днях ночью, из тьмы веков — как будто не было ни революции, ни войны — телефонный звонок, и, как ни в чем не бывало: «Лиля, сколько лет было Онегину? Ты не знаешь? Я сейчас в него влюблена».

— Представляю себе, — продолжала Фаина Георгиевна. — Верно, села в кресло, зажгла свечи, окружила себя гравюрами и с томиком Пушкина предалась мечтам. Я ее так понимаю. Я тоже недавно влюбилась, решила устроить ужин, пошла к Елисееву купить рябчиков, салату... Взгромоздила новую шляпу, стою в очереди в кассу, мурлычу что-то под нос, чувствую себя такой девочкой-девочкой и вдруг слышу сзади: «Ну, бабушка, поворачивайся, заснула что ли?»

И Фаина Георгиевна сама же засмеялась. Я попросил разрешения проводить ее, она тогда жила на площади Восстания. Во дворе стоял низенький желтый флигелек.

— Это только на вид он романтичный, — заметила Фаина Георгиевна, когда мы подходили. — На самом же деле там мрак и холод. У меня комната — сущий колодец, и я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

Время от времени судьба дарила мне встречи с нею — недолгие, к сожалению, — и я запомнил несколько ее рассказов. Вот, например:

«Как-то я обратилась к своему другу драматургу Константину Треневу с просьбой, чтобы он написал мне с Абдуловым скетч (Осип Наумович Абдулов был замечательный актер, партнер и приятель Раневской, которого она не переставала оплакивать. — **В.К.**).

— Понимаешь, Костя, нам нужно, чтобы мы могли приехать в любой клуб, я со своим чемоданчиком, где концертное платье, и сыграть скетч в сборном концерте. Как мы играем Чехова — стол, два стула и мы с Осипом. Но мне хочется что-то современное, грустное или смешное — это уже как ты решишь. Потом переоделись — и бегом на другой концерт.

— Понятно, — сказал Костя. — У меня даже есть идея.

Вскоре звонок — приходи. Купила торт, прибоярилась и поехала слушать скетч. Волнуюсь. После чая Костя раскрыл рукопись, откашлялся и начал:

— Открывается занавес. На сцене — спальня в стиле Людовика Четырнадцатого. Служанка зажигает свечи. Перед трюмо сидит Генриетта — это ты.

— Подожди, подожди. Где мы возьмем спальню в концерте? И откуда служанка, когда мы с Осипом вдвоем... с чемоданчиком... из клуба в клуб...

— А-а-а, понятно. Это другое дело. В следующий раз получишь то, что нужно!

Звонит. Я опять покупаю торт, приезжаю. Волнуюсь. После чая Костя раскрывает рукопись и, откашлявшись, читает:

— Открывается занавес. На сцене — вестибюль замка, винтовая лестница, лакей смахивает пыль со статуи Людовика Четырнадцатого. Входит Сируа — это Осип.

— Подожди, подожди. Где мы возьмем в концерте винтовую лестницу и статую? И откуда лакей, ведь мы с Осипом вдвоем... с чемоданчиком... с концерта на концерт...

— А-а-а, понятно. Это другое дело. В следующий раз получишь то, что нужно!

Звонит. Упрямо покупаю торт... Приезжаю. Волнуюсь. После чая Костя раскрывает рукопись и, откашлявшись, читает:

— Открывается занавес. На сцене столовая мореного дуба. Стол накрыт на 12 персон. Горничная вносит огромный торт. Появляется Жаннет — это ты...

Так мы и продолжали с Абдуловым... с концерта на концерт... с чемоданчиком... играть Чехова...

Правда, Осип считал, что зрители были не внакладе».

Василий КАТАНЯН,